

И.В. Следзевский

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
АФРИКАНСКИХ СТРАН
В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
(кризис модели «догоняющего» развития)**

В статье анализируется опыт «догоняющей» модернизации в независимых странах Африки – результаты развития на основе заимствований достижений развитых стран и разрушения традиционных структур. Подчеркнуты трудности и пределы этого типа развития, связанные с необходимостью совмещения традиций и современности, модернизации и сохранения стабильности в обществе.

Ключевые слова: социокультурная динамика, социальная эволюция, социальный прогресс, культурное программирование развития, модели модернизации, «догоняющая» модернизация, традиции и современность в Африке.

Достижение политической независимости поставило перед африканскими политическими и интеллектуальными элитами множество вопросов национального, экономического и культурного строительства. Охватить возникшие проблемы и наметить пути их решения были призваны созданные в условиях деколонизации концепции и стратегии развития. Отличаясь идеологической окраской (разной степенью приверженности к традиционным ценностям и африканской идентичности в целом), эти стратегии в большинстве своем копируют модель «догоняющей» модернизации – преобразования традиционных отношений и структур по стандартам развитых (западных) стран. В африканских условиях эта модель воспроизводит либеральную парадигму капиталистически ориентированного развития и ее основные элементы: рыночный механизм распределения ресурсов, признание капитала решающим фактором производства, соблюдение принципов открытой экономики и т.д.

В практике африканского развития модель «догоняющей» модернизации принимает вид прагматических программ и решений, согласуемых с международными экономическими центрами: повысить ежегодный прирост ВВП и сохранить общую устойчивость макроэкономических показателей, увеличить экспортные возможности национальных экономик и сократить бюджетный дефицит государства, привлечь иностранные инвестиции и кредиты, улучшить рынок труда и т.д.

Однако в более широком культурном и идеологическом контексте все эти практические программы и действия имеют несомненную заданность – концептуальную и мировоззренческую. Формат изменений задает так называемая философия развития, она определяет основные установки, ценности, направления и цели современной «догоняющей» модернизации, ее культурный и ментальный горизонт. В научной литературе ее часто именуют также «идеологией развития» (девелопментализмом). Но это определение представляется довольно узким, не учитывающим мировоззренческие основы философии развития: европоцентризм, отождествление стандартов (норм и ценностей) развития с уникальной динамикой развития новоевропейской цивилизации на протяжении последних столетий.

Горизонт философии развития отнюдь не ограничивается целями преодоления экономической отсталости и слаборазвитости. Дело в том, что «форматирующая» «линия развития» приобретает значение *сверхценности*. Развитие наделяется чудодейственной способностью преобразования общества в короткие исторические сроки и исключительно в лучшую сторону, а овладение этой способностью связывается с переносом или заимствованием (имитацией) достижений развитых (западных) стран.

Со времени своего появления в 50-е гг. XX в. философия развития претерпела значительные изменения. Суть развития, его движущая сила уже не отождествляются исключи-

тельно с технико-экономическим ростом. Политическая демократия теперь признается не предварительным условием развития (идеологическая максима модернизации в 1950–1960-е гг.), а функцией и даже результатом успешного развития.

Тем не менее главные постулаты философии развития не изменились. Объективные параметры развития (уровень сложности, дифференциации и интеграции общества) рассматриваются как производное от его направленности, общественно-политического курса. Предполагается, что следование «правильному опыту» – опыту развитых стран, их приоритетам и достижениям (ускорение экономического роста, разгосударствление экономики, консолидация на демократических началах политической системы и т.д.), уже само по себе может обеспечить нужные параметры и вывести африканские общества на новый уровень социальной эволюции. При этом, как правило, игнорируется или замалчивается присутствующая природе общественного развития двойственность, противоречивость изменений – наличие в развитии не только прогрессивных, но и антипрогрессивных составляющих, возможность дезорганизации общества, регрессивных поворотов и сдвигов. По-прежнему недооценивается или игнорируется тот факт, что условием успешного развития является хотя бы минимальное соответствие факторов развития (институциональной структуры изменений) структуре среды, прежде всего – социокультурному укладу жизни основной массы населения.

С 80-х гг. XX в. философия развития подвергалась нарастающей критике. Этому способствовал и самостоятельный опыт успешного развития ряда азиатских стран, и рост антимодернистских течений в политике, идеологии и культуре ряда афро-азиатских стран (особенно исламских), и пересмотр основных постулатов классической теории модернизации. Признание все более получает модель «эндогенного развития», не разрушающего традиции, самобытность данно-

го общества, а опирающегося на них как главный ресурс устойчивости и стабильности развития.

Следует отметить, что при анализе африканского опыта экономического и политического строительства критика философии развития используется пока недостаточно, несмотря на многие и очевидные провалы различных «программ развития». Эта критика значительно ослабла после падения социалистических и марксистских режимов в Африке и крушения социалистической модели развития в СССР и странах Восточной Европы. Критический анализ ослаб и в отечественной африканистике. Если в 1980-е гг. был опубликован ряд коллективных монографий, специально посвященных анализу «идеологии развития» Африки [14; 20], то в 2000-е гг. эта тема нашла отражение лишь в нескольких работах В.С. Мирзеханова [11; 12]. Однако возобновление этой критической работы, видимо, необходимо.

Глобализация начала XXI в. ставит под сомнение полноценность модели развития, которая игнорирует «человеческий» фактор социальных и политических перемен или воспринимает его исключительно как объект социальных и политических преобразований. Правда, в отличие от радикального и в значительной степени идеологизированного направления критики, выдвигающего на первый план ущербность неолиберальных (рыночных) моделей развития и негативное влияние на положение Африки международной финансово-экономической системы, мы сделаем основной акцент на проблеме устойчивости африканского развития, соотношении в нем внутренних (эволюционных) и привносимых (модернизационных) изменений, прогрессивной и антипрогрессивной составляющих, традиций и современности. Охватить и «выстроить» (тематизировать) эту проблематику позволяет пока слабо используемое в африканистике понятие «социокультурная динамика».

Социокультурная динамика как неравновесная система изменений

Понятие «социокультурная динамика» близко, но неравнозначно понятию «социальные и культурные изменения». Под социокультурной динамикой (динамикой культуры) понимаются изменения в социокультурных системах и во взаимодействии культур, которые характеризуются *целостностью* (совмещением изменений), *упорядоченностью* тенденций (связь с социальным устройством) и *направленностью* (наличие векторов изменений) [10, с. 99]. Необходимо также учитывать специфику факторов (движущих сил) социокультурной динамики. Ее определяют, с одной стороны, естественные, спонтанно действующие факторы (демографические процессы, экологические изменения, технологический прогресс, социальные и культурные конфликты и т.д.), с другой – собственно культурные факторы (смыслы, нормы, ценности, культурные коммуникации). Естественные факторы придают динамическим изменениям стихийный, неконтролируемый (или недостаточно контролируемый характер). Культурные факторы делают изменения и их динамические параметры более или менее контролируемыми, управляемыми, предсказуемыми. В поле действия естественных факторов динамика проявляется через случайные колебания, которые лишь постепенно, под действием социологических законов, складываются в определенные тренды. Воздействие культурных факторов выражается в наличии нормы, *меры изменений*. Она вносит элемент стабильности и устойчивости в динамику случайных изменений, ограничивая их колебаниями вокруг «нормального» состояния системы.

В теориях социальных изменений культурные ограничители стихийных изменений часто представляются как субъективные факторы, связанные с желаниями и стремлениями людей и не подчиняющиеся действию объективных социологических законов. В действительности, речь идет об

автономной, объективно действующей системе социальной регуляции, которая устанавливает *образцы (программы) изменений*. Они формируются властными и идеологическими установлениями, базовыми ценностями и нормами, высшими духовными принципами и сакральными законами. Таким образом, обеспечиваются *преемственность* и *определенность* (самотождественность) социальных структур по отношению к происходящим в них изменениям, задаются (программируются) необходимые параметры социокультурной динамики: целостность, устойчивость, направленность.

В свою очередь, сохранение динамических параметров невозможно без появления и развития специальных структур, институтов, механизмов, которые охватывают своим регулирующим влиянием большую или меньшую сферу жизни каждого человека.

Упорядоченность динамики поддерживают особые структуры устойчивости, связанные с наличием социокультурной иерархии или особой срединной культуры (в развитых цивилизациях) [4, с. 273–274].

Целостность динамики обеспечивают развитые общественные идеологии и политические системы, принципы социальной организации, охватывающие всех членов общества [19, с. 130].

Направление изменений задается ценностными и смысловыми сферами культуры, особыми системами религиозного спасения и специализированными культурами [18].

Культурная регуляция изменений имеет собственную динамику, отличную от динамики естественных изменений. Общий принцип и главный тренд культурной динамики состоит в возвышении культуры как системы программирования изменений. Постепенно складываются такие формы устойчивости и определенности социального целого, которые превосходят по своему значению и влиянию все обыденные представления о непрерывности и тождественности социального порядка. Этим свойством обладают так называемые

всеобщие формы культуры. Они развивают универсальный тип связей между людьми, основанный на всеобщих интересах, универсальных ценностях и нормах совместного существования в стратифицированных обществах.

Принцип всеобщности культуры помогает образованию крупномасштабных социальных систем (больших исторических единств), преодолевающих локальные деления, этнические различия, социальные противоречия. Это весьма длительный, неравномерный и сложный исторический процесс; в ходе его возможны снижение уровня всеобщего и даже возвращение к архаическому состоянию культуры. Как форма социального устройства всеобщность возникает с образованием государства и в его рамках. Более или менее устойчивое значение и влияние ей придают *региональные цивилизации*, которые устанавливают принципы всеобщей регуляции для самых разных процессов и структур, включая государство. В рамках цивилизационного устройства культурные образцы (программы) изменений получают перевес над более древними – биокультурными, основанными на природно-социальном синкретизме [16, с. 110–111]. Свойством социокультурной динамики становится структурная надприродность.

Как система социокультурная динамика представляет собой крайне неустойчивое, неравновесное образование. Степень его устойчивости определяется, с одной стороны, уровнем отклонения от «нормального» состояния системы естественных изменений среды, с другой – уровнем привносимых в нее культурных новаций. Если объем новаций или уровень стихийных изменений превышают возможности культурной регуляции динамики, социальная система оказывается в кризисе, на грани распада. Если же в ответ на эту угрозу система меняет свои качественные характеристики – структурные, организационные, но при сохранении их динамических параметров, то происходит ее внутренняя реорганизация, переход в новое устойчивое существование. Это со-

стояние (изменения в условиях устойчивости) лучше всего определяется в понятиях «эволюция», «развитие».

Конечно, и в условиях кризиса социальной системы как целого в ней могут происходить структурные изменения, стремительно падать или возрастать уровень сложности (дифференциации и интеграции) системы. Но нет гарантии, что эти сдвиги вызовут столь же значительные перемены в системе социокультурной регуляции и будут в дальнейшем воспроизводиться в качестве устойчивых образцов социальных процессов. О социальной эволюции или развитии как устойчивых динамических процессах можно говорить только в том случае, если обусловленное ими состояние общества закрепляется в культурной памяти людей, становится традицией, привычной программой социальных действий.

Но нельзя ли уменьшить влияние стихийных изменений, превратив социокультурную динамику в сознательно управляемый процесс? Эта идея не покидает человечество с момента появления развитых форм общественного сознания – религии, идеологии, философии, художественного творчества. В XX в. она превратилась в нечто большее – проекты сознательной переделки мира, «делание будущего», по словам А.А. Зиновьева [5, с. 298].

Если до XX в. развитие общества даже в марксистской теории рассматривалось как процесс исключительно стихийный, подчиненный объективным законам социальной эволюции, то после Первой мировой войны, на волне революционных преобразований, охвативших Европу, этот взгляд был пересмотрен. Трансформация социальных систем перестала выглядеть неконтролируемым, стихийным процессом. В общественном сознании и в социальной практике массового общества на первый план вышли факторы сознательного целеполагания, планирования и координации действий огромных масс людей.

На практике «делание будущего» столкнулось с большими проблемами. Однако устремленность в будущее

прочно укоренилась в практике общественного развития и в современном общественном сознании. Социокультурная динамика теперь не просто регулируется (что кажется естественным при нынешнем уровне сложности общества, взаимосвязанности мировых процессов) – ее движение «выпрямляется», «выравнивается», «организуется», «подталкивается» и т.п.

Особое место в планах «переделки мира» занимала и продолжает занимать модель «догоняющей» модернизации. После краха в середине XX в. колониальной системы она стала крупнейшим мировым проектом будущего. Фактор сознательного целеполагания доминирует во всех траекториях «догоняющей» модернизации. «Модернизация предстает как сознательное и нарастающее обретение качественно новых расширенных возможностей...» [9, с. 468].

В последние десятилетия модель «догоняющей» модернизации уже не встречает того энтузиазма, который она вызывала в либеральных кругах западных и развивающихся стран в середине XX в. Значительно чаще, чем раньше, эта модель подвергается критическому анализу, выявляются пределы ее успешной реализации. Основное ее препятствие усматривается во внешнем ограничителе – завершении эпохи индустриального общества в развитых странах [6, с. 131–140].

Можно высказать предположение, что не меньший (если не больший) ограничитель «догоняющей» модернизации заложен в типе ее динамики. Пределом является максимально возможный (в данной системе культурной регуляции) уровень отклонений от *нормы динамических изменений*. Выход за этот предел, особенно если он связан с разрушением структур и механизмов регуляции, делает социальные сдвиги все менее устойчивыми, граничащими с распадом динамической системы.

Для современного мирового развития проблема стабильности изменений стоит очень остро; она принимает сис-

темный характер. Особенно быстро и драматически неустойчивость развития нарастает на периферии мировой экономической и политической системы. Разрывы в процессах и уровнях модернизации настолько усиливаются, что становится трудно объяснять их слаборазвитостью периферии. В ряде стран достигнут индустриальный рост, заимствованы многие элементы либеральной демократии и неолиберальной политики, однако эволюционного сдвига в направлении западных обществ так и не произошло. Напротив, усилились тенденции нестабильности, кризисного развития. Расширилась группа беднейших, наименее развитых стран. Механизм экономической модернизации сложился далеко не везде, тогда как негативные последствия приобщения к мировому рынку, глобальным финансовым и информационным потокам проявляются в полной мере и превращаются в глобальные проблемы (рост населения и миграции, гибель природных экосистем, обострение борьбы за ресурсы, криминализация мировой экономики и т.д.). И как общий итог – падение контроля над стихийными колебаниями и трендами стихийного развития.

Развал общества как устойчивой динамической системы и просто нормальной среды обитания людей проявляется наиболее драматически в ряде стран субсахарской зоны Африки, оказавшихся самым слабым звеном мирового периферийного развития. Этот развал уже привел к колоссальным человеческим потерям, создал негативный и неприемлемый образ африканского развития как *антиразвития*. Значение произошедшей трагедии выходит далеко за рамки африканских стран. Начавшийся в 80-х гг. XX в. «кризис Африки» дает возможность соотнести идеальные цели «догоняющей» модернизации и ее реальные результаты в среде отличающейся особой хрупкостью социальных и экологических балансов. Это позволяет более отчетливо увидеть связь срывов в «догоняющем» развитии с искусственностью и ограничен-

ностью его динамической модели, сводящей развитие к переносу достижений западных стран в незападные.

Африканский акцент в анализе этой проблемы необходимо сделать и по причинам, имеющим отношение к диалогу культур, развитию постколониального дискурса (подробнее см.: [7, с. 128–153]) как важной части такого диалога. В африканистском знании широкое распространение получила культурно-идеологическая модель «африканизма» – воображаемой карты расположения Африки в мировом культурном и историческом пространстве. Образы динамичного развития, успешной эволюции как достижения в первую очередь Европы в ней противопоставлены образам якобы нединамичного, «природного», «этнографического» существования африканских народов в качестве будто бы основной отличительной черты их культур. Мы попытаемся обнаружить связь этой версии «африканизма» с культуроцентристскими (*цивилизационными*) характеристиками «догоняющего» развития и показать ее несоответствие реальной социокультурной динамике африканского развития.

«Сущее» и «должное» в «догоняющем» развитии

Цивилизационное начало (универсалистский тип социального устройства) нарушает естественный ход социальной эволюции. Возникают устойчивые отклонения (девиации) эволюционных процессов в сторону сближения или разделения высших принципов и ценностей, с одной стороны, и объективной реальности – с другой. В результате цивилизация как программа изменений человека, общества, природы придает социальной эволюции элементы *предустановленности*, сознательной направленности изменений. Этому особенно способствуют возникающие в эпоху цивилизации представления о разрыве между должным и сущим и сознательные усилия по преодолению их несовпадения. Должное превращается в притягательный и мобилизующий идеал су-

щего, всеобщую идею, заключающую в себе мощный интегративный и мотивирующий потенциал человеческих действий, принцип легитимизации социальных центров и политических авторитетов [18, с. 51–61]. Таковы идеи религиозного спасения, гармонии бытия человека и кругооборота жизни, свободы человеческой личности, торжества Закона и т.д.

Именно в рамках цивилизационного сознания оценочные и по большей части этически окрашенные категории «добро», «зло», «дикость», «варварство», «невежество», «деспотизм», «право», «закон», «просвещенность», «Разум» теснее всего соединяются или даже сливаются с объективными критериями и категориями развития. С точки зрения эволюционных (социологических) законов категория развития означает исключительно процессы дифференциации и интеграции сложной системы, удаленной от равновесия. Таким образом, она описывает только единые серии изменений, но не их результаты, динамику этих изменений, но не их этапы.

Однако в контексте высших (цивилизационных) идеалов и принципов, в попытках сблизить должное и сущее, категория «развитие» неизбежно приобретает императивный, этический оттенок, отождествляется с движением к чему-то правильному, совершенному. В рамках современной секулярной цивилизации, ценностей эпохи европейского модернизма эту роль выполняет *идеал прогресса*. Вера в прогресс – движение общества вперед соединяет должное и сущее в концепциях «догоняющего» развития. Чем сильнее эта вера, тем более реальным представляется развитие через заимствование внешних образцов изменений и тем меньше значит стабильность, культурная аутентичность общества как предпосылка социокультурной динамики.

Уже с середины XIX в. предпринимались многочисленные попытки преодолеть оценочность понятий «прогресс» и «регресс». Для этого обычно прибегали к выделению двух противоположных векторов развития: либо пере-

ход от низшего к высшему, от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному (прогресс), либо движение вспять от более высоких и совершенных форм к менее совершенным и низшим – антипрогресс). В научном смысле эти попытки не дали бесспорных результатов. Нельзя найти такие критерии прогресса (регресса), которые полностью исключили бы идеализацию и оценочность. Мировые потрясения XX в. и опыт тоталитарных режимов заставляют усомниться в жесткой однозначности векторов развития, как и в благоприятности для человечества любого движения вперед. В терминах теории эволюции теперь этот вывод формулируется определенно и недвусмысленно: «...все возможные виды социальных изменений невозможно свести лишь... к регрессу, регрессу и одноуровневым сдвигам. В истории нередки и такие движения вперед от старого к новому, которые характеризуются заметным ухудшением ситуации по любым применяемым ныне критериям социального прогресса (экономическим, политологическим, культурологическим, экологическим, гуманистическим и т. п.)» [8, с. 9].

В процессе включения в «гонку за прогрессом» все новых стран обнаружилось, что и «современность» обладает множеством негативных и неприемлемых характеристик, усиливаемых и закрепляемых «догоняющей» модернизацией. О «современности» как факторе социального разделения общества, особенно заметного на мировой периферии, пишет В.Г. Федотова: «“Догоняющая” модернизация создает острова, анклавов современной жизни. Таковы Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро в Бразилии; мегаполисы Мексики, Бомбей и несколько центров “зеленой” революции в Индии; Стамбул и другие крупные города Турции; Москва и Санкт-Петербург в России, отличающиеся от российской провинции и образом жизни, и состоянием сознания. Эти анклавов, несомненно, отвечают задачам модернизации, но вместе с тем усиливают социальную несправедливость, делают неустойчивым социальный баланс. Модернизация “догоняющего” типа создает

явное неравенство, обещая при этом равные шансы (чего не делало традиционное общество), и, поскольку на деле эти шансы далеко не для многих, порождает социальное недовольство, неустойчивость, сопротивление. В России это усиливает тенденции возврата к коммунизму, в Турции – к фундаментализму, в Мексике и некоторых других странах – к восстаниям крестьян и традиционализму» [15].

Можно, впрочем, заметить, что при всех этих противоречиях модель «догоняющей» модернизации не выглядит фатально проигрышной, ведущей к антипрогрессу. И это не случайно. Модель «догоняющего» развития включает в себе, во-первых, определенный способ легитимации «современности» (безусловный отказ от собственной, «традиционной» идентичности) и, во-вторых, обязательную репрезентацию заимствованных образцов «современности» в качестве подтверждения быстрого развития.

В условиях глобализации подобные «западноцентричные» представления о современности кажутся уже условными и ограниченными. Ее кажущийся универсализм соответствует условиям индустриальной революции и мирового доминирования Западной Европы в конце XIX – первой половине XX в. Экономические успехи Советского Союза и Китая в 1950–1960-е гг., быстрая индустриализация стран Восточной Европы по модели советской плановой экономики сделали популярными идеи социалистического (некапиталистического) развития как альтернативной модели модернизации. Теория модернизации перестала восприниматься как безальтернативная. Появились незападные образцы ускоренного развития (контрмодернизации): советское плановое хозяйство, советская (мобилизационная) индустриализация и коллективизация, подавление рыночных отношений. Переоценке подверглись также место и роль в модернизации общества его традиций: культурной идентичности (самобытности), народного культурного творчества и традиционной солидаристской морали. Они перестали рассматриваться ис-

ключительно в качестве «тормоза прогресса» и проявления нединамичности развития. Японское экономическое чудо 1960-1970-гг. заставило поверить в возможность быстрого развития на основе собственной традиционной культуры, то есть без модернизации в прежнем (культурном) значении этого слова.

К концу XX в. переоценки роли культуры в модернизационных процессах настоятельно потребовал так называемый вызов Азии – появление в Юго-Восточной Азии группы новых индустриальных стран (Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур, Индонезия и др.). Они образовали новый (особый в культурно-цивилизационном отношении) центр мирового развития. Для него характерны использование собственных императивов должного, опора на особенности местной культурной среды, максимальная приближенность развития к интересам и потребностям разных социальных сил. По словам В.Г. Федотовой, «не имитация, не призыв смотреть на США или Западную Европу стимулировал развитие этих стран, а создание национальной идеологии, удовлетворяющей притязания противоборствующих сил почвенников и модернизаторов. Их объединил взгляд на модернизацию не как радикальную перемену знаков развития и всех ценностей, а как на технику, технические приемы, которые, с одной стороны, позволяют развиваться стране, а с другой стороны, позволяют ей сохранить свойства нации, ее особенности» [15].

Окончательно понятие «современность» релятивизировали эволюционные сдвиги в развитых странах, связанные с так называемым «кризисом индустриализма» и вступлением этих стран в постиндустриальную («постэкономическую») эпоху. В новом общественном укладе, основанном на производстве знаний, преобладании информационного сектора хозяйства и возвышении неэкономических ценностей, утрачивает прежнее значение доминанта общих материальных интересов. Исчезает разрыв между традицией и нововведениями.

ми, коллективистской и индивидуалистской этиками, локальными и глобальными мирами, экономической эффективностью и ограничениями экономического роста, религиозно-мифологическими и технологическими (инструментальными) взглядами на мир и человека, императивами развития и собственной культурной идентичностью.

Возникающее многообразие модернизационных проектов (не только с точки зрения средств, форм, но и с точки зрения направления развития, понимания современности) отражает современная теория модернизации. Наряду с «догоняющей» в ней выделяются модели *контрмодернизации*, *антимодернизации* (демодернизации), *постмодернизации* (как движения в сторону «постсовременности») [17, с. 464–492]. Реализация социального прогресса перестает мыслиться в образе однолинейного движения, последовательно сменяющих друг друга стадий модернизации. Например, признается сохраняющаяся и в современных условиях актуальность «догоняющей» модернизации (необходимость догнать уходящий вперед Запад), хотя подчеркивается ее высокая социальная цена и невозможность полной реализации этой цели.

Открывающийся новый, по-настоящему глобальный горизонт мировых модернизаций не может не менять их *ценностно-смысловую доминанту* – отношения между должным и сущим. Меняются не только составляющие, но также уровень и культурный стиль отношений между ними. Должное (императив модернизации) начинает восприниматься как формируемая на основе национального консенсуса программа широкомасштабных преобразований. Это одновременно макросоциальный и сетевой проект, сочетающий в себе прошлое, настоящее и будущее данного общества, ценностный и институциональный аспекты изменений. Должное приближается к *проектируемой* (просчитываемой, обсуждаемой, проверяемой) реальности. Такая модель должна не только консолидировать общество (или по крайней мере сохранять необходимый уровень его стабильности), но и управлять

рисками движения вперед, а значит – учитывать свойства социокультурной динамики как неустойчивой системы изменений.

Сущее – модернизирующееся общество – приобретает значение разнонаправленной и многовариантной динамической реальности, заключающей в себе потенциально разные типы изменений. Процесс ее преобразования может одновременно сочетать элементы «догоняющей» модернизации с элементами контрмодернизации, постмодернизации и даже антимодернизации – все зависит от конкретных нужд конкретных секторов и сфер социальной жизни общества. Уровень и стиль отношений между должным и сущим приобретает прежде всего коммуникативный характер (изменения без предварительной смены идентичности, ориентация на социальный и межкультурный диалог, соединение культурных различий).

Вместе с тем нельзя абсолютизировать в модернизационных процессах роль собственно культурных факторов и сознательных действий человека. В конечном счете важны не сами эти факторы, а их суммарное влияние на естественнo-исторический процесс. Это особенно важно для наименее развитых стран, в частности многих стран Африки. Насущной задачей для них остается достижение стабильного перевеса его прогрессивной составляющей над антипрогрессивной.

Результаты «догоняющего» развития в Африке

«Догоняющая» модернизация в африканских колониях на всем своем протяжении (с момента появления первых европеизированных групп африканцев) носила отчетливо выраженный характер *культурной колонизации*. Должное – идеальные модели социального устройства, прогрессивные убеждения, универсалистские идеологии – получили распространение здесь уже в силу огромного и очевидного перевеса европейской цивилизации. Открытое, подчеркнутое прояв-

ление должного – господства европейцев над локальным бытием африканцев – стало нормативной моделью культурных изменений в колониальный период. Должное – идеалы национального освобождения и социального прогресса – определило внутренний и международный резонанс антиколониальных революций. Без этих идеалов антиколониальные движения были бы лишены своего мобилизующего потенциала и просто смысла. Духом должного пронизаны идеи, планы, проекты ускоренного развития независимых африканских государств, модель «современивания» африканских обществ в целом.

Однако практика африканского развития подрывает веру в непреодолимую силу прогресса. Динамика этого развития по широкому кругу значимых критериев прогресса (качество, включая среднюю продолжительность жизни, качество питания, уровень безопасности основной массы населения) обнаруживает не сокращающийся, а увеличивающийся разрыв между должным и сущим.

В первые два десятилетия независимого развития (1960–1980 гг.) «символом веры» африканских правящих элит стала модернизация общества по типу индустриального развития. Приоритетами развития объявлялись индустриализация, урбанизация, переход к массовой системе образования и здравоохранения. Однако, несмотря на мобилизацию ресурсов, рост валового внутреннего продукта, значительное снижение удельного веса сельского хозяйства, при соответствующем росте промышленности, строительства и сферы услуг, социальная модернизация не приобрела необратимого характера. Нарращивание сырьевого (промышленного и сельскохозяйственного) потенциала было по преимуществу экстенсивным и быстро обернулось деградацией хозяйственных структур в деревне, масштабным *разрушением* традиционных экосоциальных систем, а также усилением зависимости африканских экономик от мировой хозяйственной конъюнк-

туры по важнейшим видам их традиционных сырьевых товаров.

В 1979–1980 гг. страны региона сменили «объективные» критерии прогресса. Ставка была сделана на самообеспечение продовольствием в континентальном масштабе, установление национального суверенитета над природными ресурсами, развитие транспорта и связи в целях повышения уровня региональной интеграции. Новый модернизационный проект получил название концепции «опоры на собственные силы». Она была провозглашена в Монровийской стратегии развития (1978 г.) и представлена в развернутом виде в Лагосском плане действий (1980 г.). Однако и этот проект прогрессивных изменений потерпел провал. Африканские государства не смогли мобилизовать ресурсы для того, чтобы обеспечить хотя бы минимальное социальное благополучие населения. Наименее развитые страны столкнулись с жесточайшим продовольственным кризисом, усугубленным засухой в странах сахельской зоны. Политики и эксперты впервые заговорили о «кризисе Африки» как о крахе попыток осуществить собственными силами догоняющее развитие.

Сменивший в середине 1980-х гг. индустриально-этатистскую модель неолиберальный и глобалистский проект модернизации – распространение на все страны и регионы транснациональной финансово-экономической деятельности, либерализации международных хозяйственных и кредитно-финансовых отношений, радикальное – в духе неолиберальной идеологии – сокращение вмешательства в экономику государства, придал новую жизнь конструированию идеальных вариантов и векторов развития Африки.

Однако и неолиберальный вариант ускорения социального прогресса оказался не более адекватным африканской действительности, чем план «опоры на собственные силы». Выросла включенность стран континента в мировые финансовые потоки в качестве получателей иностранной помощи, но ослабили их внешнеэкономические позиции как

производителей традиционной экспортной продукции. Жесткое сокращение государственных расходов не только ограничило развитие социальной сферы, но привело к дальнейшему росту бедности и снижению качества человеческих ресурсов.

Таким образом, все попытки при помощи «догоняющей» модернизации закрепить прогрессивные изменения в главных сферах развития привели скорее к противоположным результатам – *нарастанию антипрогресса*. Этот вывод в 2006 г. сделал Л.Ф. Блохин: «...Весь колониальный и особенно постколониальный период, отмеченный лозунгом форсированной модернизации, не только не продвинул Африку в этом направлении, но и обозначил попятное движение, ибо преобладающей тенденцией стала дезинтеграция, особенно проявившаяся в развале традиционных экосоциальных систем и превращении Африки в самый неблагоприятный (в известной нам истории) регион мира с точки зрения продовольственного самообеспечения» [1, с. 122].

За полувековой период независимого существования стран Субсахарской Африки в разнообразные экономические проекты были вложены огромные ресурсы в виде кредитов, субвенций, помощи со стороны развитых государств и международных финансовых и неправительственных организаций. Создано множество государственных и межгосударственных структур с разветвленным и дорогостоящим бюрократическим аппаратом, предложены разного рода инновации и особые подходы к наименее развитым странам. Однако все эти усилия не привели к заметному улучшению ситуации. Красноречивые данные о масштабах и динамике социального кризиса в регионе на рубеже XX–XXI вв. приведены в докладе Комиссии по Африке («Комиссии» Т. Блэйра), созданной в 2004 г. для изучения и реализации возможностей ускорения развития стран Африки [3]. По этим данным (на начало 2000-х гг.), около 40 млн африканских детей не посещали школу. Один из шести детей умирал, не достигнув пя-

тилетнего возраста. Средняя сумма, расходуемая на медицинское обслуживание одного человека в год в странах южнее Сахары, находилась на уровне 13–21 долл. США (в развитых странах эта сумма превышала 2000 долл. США). Более 300 млн человек – около 42% африканского населения не имели возможности пользоваться чистой водой.

Если антипрогрессивные составляющие эволюции перевешивают значение прогрессивных изменений, причем перевешивают структурно и в течение длительного времени, то решающее значение приобретают действия самих людей, их способность контролировать негативные изменения, адаптироваться к ним, изменять, по возможности, ситуацию к лучшему. Мы остановимся только на одном, но показательном аспекте социокультурной динамики – *восприятии изменений* в массовой африканской культуре и той роли, которую играют в этом процессе традиции африканской культуры.

Синтез традиций и современности

Отношение «среднего» африканца к изменениям в окружающем его мире несравненно сложнее противопоставления традиции и современности, старого и нового. В полной мере сложность их интерпретаций проявляется в городе, где чаще возникают новые и неожиданные ситуации. Модели поведения более ситуативны, на их выбор влияет более широкий, жизненный контекст существования в африканском городе или в более широкой системе отношений «город – деревня» [23, р. 59–71, 85–89, 114–126]. Жизненный контекст состоит из разнообразных, часто неопределенных положений или даже критических ситуаций.

Несомненно, жизнь в городе подчинена прежде всего задаче социального выживания, а не просто приверженности старому или новому. Тем не менее разделение поведенческих моделей на «традиционные» и «нетрадиционные», подчиненные обычаю или отвергающие его, присутствует и сохра-

няет большое значение. Таким образом кодируется массовое социальное поведение [21, с. 481–487]. «Традиционное» означает сохранение тесных связей с родственниками в деревне, строгое выполнение вытекающих отсюда обязательств, участие в регулярном почитании предков, сотрудничество с образуемыми в городах неродственными ассоциациями традиционного типа – возрастными группами, тайными обществами, часто создание полигамной семьи, иногда воспроизведение модели традиционного жилища.

Как «нетрадиционный» тип поведения воспринимается неприкрытый разрыв отношений с большими группами родственников, отказ им в помощи, пренебрежение традиционными культами, предпочтение «современных» норм брака и семейной жизни, общественных отношений, профессиональной карьеры.

Как «традиционное» или «нетрадиционное» поведение определяется в самых разных жизненных ситуациях. Поэтому сравнительно высокий уровень *контролируемого* (культурообусловленного) поведения сохраняется, несмотря на массовый исход сельских жителей в города. Традиционные группировки в городе (родственные группы и группы взаимопомощи, этнические кварталы и возрастные союзы) доминируют среди тех, кто оседает в городах. Без таких группировок не могли бы стабильно действовать гигантские социальные сети, связывающие город и деревню (система «город – деревня»).

И все же африканский город *не противопоставит* традиции, не ломает и не дискредитирует ее. На уровне совокупностей групп и общностей в основном уже нет обособленных миров города и деревни, полностью урбанизированных и неурбанизированных групп населения, а есть сложившееся поле их взаимодействий, общая система динамических изменений. Жизнь в этом постоянно изменяющемся поле строится на *сравнении* – внимательном и осмысленном – разных моделей поведения, их достоинств и недостатков. По контрасту с

образами вестернизированного поведения в африканском образе жизни выделяются и подчеркиваются родственная и земляческая взаимопомощь, коммуникативность, социальное партнерство, открытость, понятность, теплота и надежность человеческих уз, защита от опасностей. Ценятся культурные символы, кодирующие именно этот тип отношений: обмен подарками с родственниками, оставшимися в деревне; жертвоприношения предкам; устраиваемые земляческими союзами всевозможные праздники и культурные фестивали с музыкой, танцами, пантомимой; интерьер деревенских жилищ.

При этом расширяются возможности *переопределения* традиций, *манипулирования* обычаями. В городе распространены магическая практика, фетишизм, вера в ведовство и культ предков. Традиционные культы и ритуалы распространены не только среди мигрантов и в низших слоях городского населения, но и в среде политической и интеллектуальной элиты.

Таким образом, возникает определенное *смысловое тождество* (но не идентичность) традиций и изменений. Оно допускает перестройку старых культурных смыслов в направлении большей рационализации и универсализации их значений, приближения к новым социальным практикам. Например, распространенный и в городе культ предков адаптируется к современным условиям. Предки дают советы даже в таких делах, как шоу-бизнес. Далеко не всегда в городских условиях этот культ объединяет действительных родственников (например, если это члены одной религиозной общины). Предки нередко включаются в пантеон городских афрохристианских церквей. Изменения претерпевают даже ведовские представления как способ смысловой регуляции поведения. Человек, находящийся на большом удалении от своей родственной группы и пользующийся как будто свободой морального и социального выбора (можно, например, порвать связи с родственниками), воспринимается как наиболее уязвимый для магического нападения.

Следовательно, несмотря на широкомасштабное разрушение традиционных структур, традиционного социума как системы, африканская социокультурная динамика включает в себя *и* традиции, *и* современность, приводя их к определенному ценностно-смысловому тождеству. Это позволяет поддерживать, хотя и на очень низком уровне жизни, динамические параметры изменений. (При том, что сама мера изменений за прошедшие десятилетия значительно или кардинально изменилась.)

Можно и более точно определить рамки и направление изменений, допускаемых этим типом динамики. В ее рамках наиболее вероятны, приемлемы изменения, которые вписываются в *коммуникативные* связи и процессы, *коллективистское* самосознание, *гендерные* и *этнические* различия, *сетевой* тип социальной организации, *ценностное* единство социальных групп, *пограничные* формы социальной организации и поведения. Не стоит, однако, и переоценивать постоянство описанной системы изменений. Ее характеристики относятся больше к системе отношений «город – деревня», остающейся пока основой африканского общества. Но, как отмечают некоторые социологи, в собственно городских сообществах быстро развивается отдельная и очень опасная тенденция социального распада и разложения культуры, в частности потери какой-либо культурной преемственности; нарастание этой тенденции отмечается, например, в ЮАР после ликвидации режима апартеида [2, с. 223].

* * *

Обозначенные рамки социокультурной динамики, конечно, не соответствуют целям и задачам «догоняющей» модернизации. В культурных координатах индустриального общества они скорее исключают возможность такой модернизации. Трудно поверить также в то, что динамика «архаическо-модернизированных» сообществ может обеспечить перевес прогрессивных начал социальной эволюции над ан-

типрогрессивными. В то же время нет ничего похожего на непреодолимый разрыв между старым и новым, изменениями и преемственностью, внешними (европейскими) образцами перемен и африканскими жизненными смыслами. Динамика изменений определяется в целом не противостоянием традиций и «современности», а их устойчивым взаимодействием – симбиозом и синтезом.

Л и т е р а т у р а

- [1] Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. – М.: Институт мировой экономики международных отношений РАН, 2001.
- [2] *Бернстейн Э.* Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим // Многоликая глобализация. Равенство и разнообразие в современном мире. – М., 2004.
- [3] Доклад Комиссии по Африке. URL: <http://Africana.ru/www.commissionforafrica.org>
- [4] *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. – М., 1996.
- [5] *Зиновьев А.* На пути к сверхобществу. – М., 2000.
- [6] *Иноземцев В.* Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. – М., 1999.
- [7] *Ионов И.Н.* Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // История и современность. – 2008. – № 3.
- [8] *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М., 2003.
- [9] *Коулмен Дж.* Модернизация и социальное устройство общества // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. – М., 2001.
- [10] Культурология. XXI век: Словарь. – Санкт-Петербург, 1997.
- [11] *Мирзеханов В.С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. – М., 2001.
- [12] *Мирзеханов В.С.* Кризис «идеологии развития»: некоторые размышления о политике структурной перестройки в Африке // Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2001.

- [13] *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. – М., 1998.
- [14] «Социология развития» Африки: Критические очерки. – М., 1984.
- [15] *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М., 1997. URL: http://www.philosophy.org/iphras/library/fedot_mod.html
- [16] *Хачатурян В.М.* «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. – М., 2009.
- [17] Цивилизационные проблемы модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. – М., 2001.
- [18] *Эйзенштадт Ш.* «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М., 1992.
- [19] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.
- [20] *Энтин Л.М., Энтин М.Л.* Политология развития и освободившиеся страны: Критика немарксистских концепций. – М., 1986.
- [21] L' economie informelle en Afrique francophone: structure, dynamiques et politiques. – Geneve, 2001.
- [22] Expectations of Modernism: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt. – Berkeley, etc., 1999.
- [23] *Peil M., Sada M.O.* African Urban Society. – Willey, 1984.